

Любовные тайны

ЗНАМЕНИТЫХ

Истории
роковой
любви

Истории роковой любви

Василий Веденеев

Любовные тайны знаменитых

«ВЕЧЕ»

2010

УДК 94
ББК 63.3(0)

Веденеев В. В.

Любовные тайны знаменитых / В. В. Веденеев — «ВЕЧЕ»,
2010 — (Истории роковой любви)

Интерес к романам и любовным интригам мировых знаменитостей непреходящ во все времена. Имена их не сходят со страниц глянцевого журналов, а писатели делают их героями своих романов. И хотя жизнь звезд шоу-бизнеса и других публичных людей происходит «на виду», многое в ней окутано покровом таинственности. Например, знаменитый фантастический прыжок Вацлава Нижинского связывают с магическими талисманами, подаренными ему многочисленными любовниками и любовницами, а неистовому в любви и работе Пабло Пикассо удавалось делать так, что все приглянувшиеся ему женщины желали только его...

УДК 94
ББК 63.3(0)

© Веденеев В. В., 2010
© ВЕЧЕ, 2010

Содержание

Похищение Мадонны	6
Женский монастырь в Прато	7
Модель	8
Побег и свобода	10
Царица куртизанок	12
Таинственная встреча	13
Любовь, любовь, любовь...	14
«Если бы я знала, как все кончится...»	16
Червонная дама корсара Леграна	17
Пророчество за карточным столом	18
Дочь губернатора	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Василий Владимирович Веденеев

Любовные тайны знаменитых

© Веденеев В.В., наследники, 2010

© ООО «Издательский дом «Вече», 2010

Похищение Мадонны

Во всех энциклопедиях, посвященных искусству мастеров эпохи Возрождения, имя фра Филиппо Липпи, он же Филиппо ди Томазо (1406–1469), неизменно занимает одно из самых почетных мест. Выдающийся живописец из Флоренции писал картины на религиозные сюжеты – впрочем, тогда для художников, особенно духовного звания, практически не существовало иных сюжетов, кроме религиозных. На полотнах Липпи перед зрителями представляли Мадонны с необычайно одухотворенными лицами.

– Обратите внимание, Липпи всегда удается соединить, казалось бы, совершенно несовместимое, – сказал однажды о живописце сам папа Пий II. – Его Мадонны создают благочестивое настроение при большом реализме техники и колорите жизни. Он пишет живых, страстных женщин, но... они у него святые!

Особенно высоко римская курия ценила фрески Липпи в соборе Прато в Смолетто, изображающие житие святого Стефана.

Маэстро Липпи являлся монахом, что не мешало ему прослыть одним из самых галантных кавалеров и страстных любовников. И вот однажды его настигла страсть, с которой он не сумел совладать...

Женский монастырь в Прато

Знаменитый флорентийский живописец Филиппо Липпи приехал в женский монастырь Санта-Мargarита, стоявший в городе Прато, ранним летним утром 1456 г. Прославленного мастера кисти, широко известного не только по всей Италии, но и далеко за ее пределами, встречала сама мать-настоятельница монастыря, прятаясь от подкрадывавшегося зноя под куском полотна, которое, растянув, держали над ней две молодые послушницы.

Настоятельница пребывала в отличном расположении духа, несказанно довольная тем, что великий маэстро, которого так ценил сам папа, согласился написать лик Мадонны для алтаря монастырской капеллы. О подобной удаче – заполучить самого Липпи! – можно только мечтать.

К немалому удивлению матери-настоятельница, ничего ранее не знавшей о знаменитом мастере кисти, тот оказался... кармелитским монахом в возрасте примерно около пятидесяти лет. Однако фра Липпи выглядел значительно моложе своих лет, был очень подвижен и энергичен. С его румяных губ то и дело слетали остроумные шутки и тонкие, порой весьма двусмысленные, замечания. Вскоре мать-настоятельница была совершенно очарована гостем.

– Мы отвели вам самую удобную келью и приготовили место для работы, где никто не посмеет вас беспокоить, – сияя от удовольствия, что ей все так прекрасно удалось устроить, сообщила дорогому гостю мать-настоятельница. И, доверительно понизив голос, добавила: – У нас прекрасная кухня, просто отменная, и даже есть свой неплохой винный погребок.

– Прекрасно, матушка, – оживленно потер руки художник. – Пожалуй, сегодня я отведаю, каково качество вашей стряпни и воздам должное винам из погребка, а завтра с утра осмотрю капеллу и, отдохнув с дороги, помолясь, начну работать.

– Как вам угодно, – поклонилась настоятельница.

Она лично с почтением проводила маэстро до дверей отведенной ему кельи и отправилась к себе, переполненная светлой радостью. Наконец-то ее заветная мечта сбылась! Сам учитель уже признанного великим маэстро Боттичелли напишет для капеллы их монастыря лик Мадонны с Младенцем. Нет никаких сомнений, что работа Липпи привлечет в монастырь новый поток паломников и молящихся, а также упрочит в вере жителей Прато. Следовательно, серьезно возрастут и доходы монастыря.

На следующий день художник осмотрел капеллу, отдохнул и приступил к работе. Мать-настоятельница не могла нарадоваться: художник не покладая рук напряженно трудился с раннего утра до позднего вечера. Он даже потребовал, чтобы обед и ужин приносили к нему прямо в мастерскую, дабы не терять зря драгоценного времени на посещение трапезной. Такими стараниями прославленного мастера настоятельница осталась весьма довольна. Но однажды утром Липпи пришел к ней с озабоченным видом.

Модель

Аббатиса приняла его ласково и уважительно. Видя хмурое лицо маэстро, она поспешила поинтересоваться:

– Что-нибудь не так? Что стряслось, уважаемый мастер, чем вы недовольны или обеспокоены?

– Возникли некоторые сложности в работе, – глядя в открытое окно на проходивших по двору монахинь, мрачно сообщил фра Филиппа.

– Сложности? – Мать-настоятельница даже задохнулась от волнения и прижала руки к пышной груди, стараясь утихомирить бешено забившееся сердце.

Боже, неужели ее заветной мечте не суждено сбыться, неужели в капелле монастыря Санта-Мargarита не воссияет написанный знаменитым мастером лик Пресвятой Девы?! Нет, это просто выше ее сил и такого допустить ни в коем случае нельзя. Опять же, как доходы монастыря возрастут без новой Мадонны?

– Что я должна и могу сделать для вас? – спросила мать-настоятельница, преданно глядя на маэстро.

– Мне нужна натурщица, – развел руками Липпи. – Знаете ли, матушка, довольно трудно рисовать Мадонну, не имея перед глазами живой натуры. Ну, без младенца мы еще как-то обойдемся, но надо бы найти какую-нибудь подходящую монахиню.

– Господи, и только-то? – с явным облегчением рассмеялась настоятельница. – Я даю полное право выбрать в качестве натурщицы любую из монахинь моего монастыря! Все они в полном вашем распоряжении, дорогой маэстро. Надеюсь, вы найдете подходящую модель.

– Отлично, – восхищенно прищелкнул пальцами Липпи. – Но как мы это сделаем и, главное, когда?

– Можно не откладывать, – заверила аббатиса. – Давайте по несколько монахинь приглашать в часовню, а вы выбирайте из них ту, которая придется по вкусу.

– Хорошо, – охотно согласился художник. – Пожалуй, так и поступим. Но учтите: пожилые женщины и старухи для наших целей не подходят.

– Я все понимаю! – благоговейно подняла глаза к потолку кельи настоятельница.

Она действительно выполнила свои обещания, и художник получил возможность придирчиво осмотреть всех молодых монахинь и послушниц монастыря. Свой выбор фра Липпи остановил на юной очаровательной монахине Лукреции Бути, происходившей из состоятельной и добропорядочной семьи. Девушка была молода и очень хороша собой. Над высоким чистым лбом монашки вились светлые волосы, глаза сияли голубыми сапфирами, губы казались спелой малиной, а румянцу могла позавидовать сама заря.

При этом Лукреция обладала прекрасной фигурой, зубы ее сияли, словно перлы океана, а голос звенел колокольчиком. Сколько мужских сердец она могла бы покорить, не находясь взаперти за крепкими стенами монастыря?

– Лучше всех мне подойдет вот эта, – показал на Бути маэстро. – Хорошая модель для работы.

– Рада услужить вам, – поклонилась мастеру настоятельница...

На следующий день, рано утром, Лукреция отправилась уже не на общую молитву с сестрами, а в мастерскую художника, чтобы позировать ему для картины «Мадонна с Младенцем»: так распорядилась сама настоятельница.

Вскоре к дверям мастерской маэстро Липпи стали приносить уже два прибора и две порции завтрака, обеда и ужина. Аббатиса только тихо радовалась:

– Прославленный мастер торопится выполнить наш заказ! Не стоит мешать ему, сестры! Я сурово накажу каждую, кто вздумает подглядывать или подслушивать у дверей!

Конечно, настоятельница прекрасно понимала, почему фра Липпи так торопился. Все предельно просто: деньги! Монастырь платил ему большую сумму за работу, а впереди прославленного маэстро наверняка ждали новые очень выгодные заказы. Вот и весь секрет. Люди алчны, и великие художники тоже совсем не лишены этого земного греха!

Вскоре картина была готова, и, когда Филиппо представил ее обительницам монастыря, те без особого труда узнали в образе прекрасной Мадонны, державшей на коленях пухлого Младенца Иисуса, знакомые черты Лукреции Бути. У Мадонны были те же большие выразительные глаза, полные ласковой печали, светлые вьющиеся локоны и загадочная улыбка на чуть припухших, алых губах.

Казалось, молодая женщина, изображенная на картине, знает нечто, о чем предпочитает умолчать.

– У Мадонны, написанной Липпи, слишком земная и плотская красота, – шептались монашки. – Поглядите: какие чувственные губы! Они словно только и ждут греховного, сладострастного поцелуя!

– М-да, – ошарашенно пробормотала настоятельница. – На картине Лукреция выглядит не как невинная девушка, а как зрелая женщина, познавшая все прелести любви.

Однако картина, как и другие произведения прославленного маэстро, производила на зрителей сильное, неизгладимое впечатление. Признанный мастер кисти, Липпи всегда отличался тонкостью и изяществом рисунка, умело подбирая удивительную гармонию красок. Поэтому настоятельница, не торгуясь, заплатила за работу. Практически немедленно после этого маэстро покинул обитель Санта-Мargarита...

Побег и свобода

Следующий день выдался в монастыре на редкость суматошным: прослышав о новом образе святой Мадонны, написанном самим знаменитым Филиппо Липпи, народ из Прато валом повалил в монастырь, и щедрые пожертвования верующих, к несказанной радости матери-настоятельницы, начали быстро пополнять оскудевшую монастырскую казну.

Свой коварный удар судьба приберегла до теплого тихого вечера, когда усталая, но очень довольная мать-настоятельница отмачивала гудевшие от бесконечной беготни ноги в большой деревянной лохани с прохладной водой, в которую добавили немного винного уксуса. Неожиданно в ее келью без стука вошла одна из старших монахинь и молча распростерлась ниц перед висевшим на стене распятием.

– В чем твой грех, сестра? – лениво и благодушно спросила настоятельница: сегодня выдался удачный денек и ей совсем не хотелось кого-то сурово наказывать. Ведь Господь не зря призывал нас к милосердию.

– У нас случилось большое несчастье! – глухо сказала монахиня.

– Кто-то внезапно умер? – насторожилась аббатиса. – Или паломники передавали друг друга в толпе?

– Нет, матушка. После вечерней молитвы мы нигде не смогли найти сестру Лукрецию.

– Что? – задыхнулась настоятельница, невольно схватившись за грудь. – Что?!

Ее мозг молнией пронзила страшная догадка: Лукреция родом из Флоренции, и художник Липпи тоже! Неужели она сбежала с маэстро? Видно, не зря о нем ходят упорные слухи, что он совсем не промах по женской части? Но она, приглашая его в свою обитель, не хотела в это верить: разве способен ловелас писать такие божественные лики Мадонн? Боже, какой скандал разразится, какой грандиозный скандал!

Мать-настоятельница не ошиблась в своих предположениях – вскоре действительно разразился ужасающий скандал. Как ни старались, скрыть исчезновение из монастыря юной монахини не удалось. И вскоре в обители Санта-Мargarита появился разъяренный, как бешеный бык, примчавшийся из Флоренции отец Лукреции – Франческо Бути.

– Где, где моя дочь? – гремел под сводами монастыря его рассерженный голос. – Что вы сделали с ней?

– Мы ее ищем, синьор, – пыталась успокоить его настоятельница.

– Ищите? – издевательски переспросил Бути. – Вот как?! Я доверил вам самое дорогое, свое дитя, а вы? Вы даже не смогли за стенами монастыря уберечь ее от этого!..

Догнать сбежавших любовников не удалось, хотя за ними отрядили погоню. Сначала Липпи и Бути скрывались во Франции, где маэстро легко находил для себя выгодные заказы, поскольку слава о его уникальной кисти бежала далеко впереди него. Затем Лукреция и Филиппо, который все чаще стал именовать себя не фра Липпи, а синьором ди Томазо, переместились в Швейцарию, где власть католической церкви была значительно слабее.

Синьор Франческо Бути писал дочери полные отчаяния и угроз письма, заклиная ее отрешиться от греховной любви к художнику, который намного старше ее и по сравнению с ее юной красотой просто увядший старик, изрядно потрепанный жизнью.

– Я ни за что не вернусь в монастырь, – дерзко отвечала ему дочь. – Для меня лучше смерть, чем разлука с Филиппо!

– Вернись, – умолял отец.

– Нет, – твердо отвечала дочь.

Настоятельница монастыря Санта-Мargarита из Прато просто боялась показаться на людях, особенно после того, как стало известно, что в 1457 году Лукреция родила сына, которого в честь отца назвали Филиппино. Узнав об этом, папа Пий II – в свое время известный в

миру как Эней Сильвий Пикколомини, блестящий историк и гуманист, – только тонко усмехнулся:

– Чувственный зов плоти для художника часто сильнее веры.

– Это соблазны дьявола, ваше святейшество, – наклонился к креслу, в котором сидел папа, один из кардиналов.

– Его кистью водит сам Бог, а не дьявол, – резко отрезал Пий II, давно очарованный искусством великого живописца, продолжавшего плодотворно работать и после женитьбы.

Спустя несколько лет скандал утих, и вроде бы все стали забывать про Лукрецию и ее знаменитого мужа, но тут Флоренцию и Рим всколыхнуло новое известие: у четы – причем невенчанной! – Липпи родилась дочь, получившая имя Александра.

И тогда художник решился обратиться лично к Папе, умоляя его разрешить ему и его невенчанной жене снять с себя монашеский сан. Небывалый случай, но папа Пий II пошел навстречу мольбам великого художника.

– Полагаю, сутана только сковывает его творчество и мешает счастливой семейной жизни, – мудро решил папа. – Иногда мне кажется, что, уйдя в мир, Филиппо станет только ближе к Богу!

С разрешения Рима Лукреция и Филиппо сняли сутаны и стали мирскими людьми, а заключив официальный брак, они сделали своих детей законнорожденными. Филиппо Липпи ди Томазо написал еще множество дивных картин, а его сын Филиппино, унаследовавший талант отца, сначала был учеником у Сандро Боттичелли, а позднее сам стал знаменитым художником.

Царица куртизанок

Ее считали самой очаровательной, страстной и роковой обольстительницей XVII–XVIII веков. В этом нет никакой ошибки: легендарная красавица Нинон де Ланкло прожила очень долгую жизнь, не переставая и не уставая очаровывать мужчин. С ее красотой связана неразгаданная тайна, о которой она говорила весьма неохотно и только очень близким людям, да и то крайне редко и большей частью малопонятными намеками.

Историки считают: в полном смысле этого слова назвать де Ланкло куртизанкой нельзя – она совершенно не нуждалась в средствах, поскольку происходила из весьма состоятельной дворянской семьи. Наоборот, она сама могла награждать своих возлюбленных золотом и дарила себя и свою любовь только тем мужчинам, которые ей нравились. Роковая красавица Нинон стала одной из первых провозвестниц «свободной любви» и, пожалуй, по оценкам многих экспертов, изучающих Францию времен последних Людовиков, являлась одной из очень немногих женщин своего времени, которые смогли распорядиться собственной жизнью по своему усмотрению.

По отзывам современников, красота великой любовницы была поистине феноменальной: когда ей уже исполнилось семьдесят, из-за нее стрелялись на дуэли и сражались на шпагах молодые мужчины, искавшие расположения дивной обольстительницы. В девяносто Нинон де Ланкло поражала всех свежестью лица и красотой фигуры, которыми она вполне могла соперничать с восемнадцатилетними девушками. Сколько любовников имели счастье обладать роковой Нинон, знала только она одна...

Таинственная встреча

О чем же недомолвками и намеками иногда пыталась поведать своим близким – хотя она никогда не выходила замуж, у нее были дети и даже внуки – неподражаемая Нинон де Ланкло? В частной переписке и мемуарах того времени, буквально по крохам восстанавливая сведения, ряд экспертов нашли необходимые данные и постарались воссоздать поистине таинственную и фантастическую картину.

Известно, что Нинон де Ланкло родилась в 1606 году в знатной и очень богатой дворянской семье. Якобы, когда Нинон была еще совсем маленькой девочкой, в одну из ночей она неожиданно проснулась и увидела у своей постельки странного старика. На нем мерцал расшитый золотыми и серебряными звездами, похожий на черное ночное небо, освещенное слабым отблеском зари, длинный, до пят, наглухо застегнутый широкий плащ. Казалось, он струился, словно вода, переливаясь, как тончайший шелк или сполохи неземного света.

Борода старичка – он маленького роста и скорее походил на гнома – выглядела не просто седой, а снежно-белой. Но глаза его прятались за толстыми стеклами больших круглых очков, и различить их выражение в полумраке спальни никак не удавалось. На голове странного незнакомца красовалась круглая, черная шапочка, украшенная маленьким белым пером.

Нинон хотела криком разбудить няньку, но старичок приложил палец к губам, призывая к молчанию.

– Не бойся, дитя мое, – ласково сказал он девочке. – Я не причиню тебе никакого зла.

– Кто же ты? – заинтересовалась юная особа.

– Для тебя это сейчас не так важно, – уклонился от ответа старичок. – Могу только сказать: я появляюсь на земле один раз в несколько столетий, иногда немного чаще, и всегда посещаю детей. На сей раз выбор пал на тебя, Нинон. Ты хочешь получить от меня такой подарок, какого не получал никто и никогда?

– Что за подарок? – живо спросила девочка, забыв про все свои недавние страхи.

– Выбирай: могу подарить тебе огромную власть, могу дать несметные богатства или долгую жизнь и неувядающую красоту. Что ты предпочтешь?

– Неувядаемую женскую прелесть, – практически не задумываясь, немедленно ответила юная кокетка. – Но непременно вместе со здоровьем и долгими годами!

– Конечно, – улыбнулся старичок. – Я не ждал иного.

Из бесчисленных глубоких складок своего удивительного плаща он достал золотую палочку, легко коснулся ею плеча Нинон и словно растворился во мраке.

Конечно же наутро девочка помнила о странном волшебном сне – или это все же происходило с ней наяву? – но что-то удержало ее от того, чтобы поделиться с окружающими своими удивительными ночными видениями. С того дня Нинон де Ланкло стала просто сиять красотой на удивление всем.

Ей легко давались знания, и она благодаря природному уму и стараниям родителей получила прекрасное домашнее образование. Грациозность, тонкие черты лица и восхитительные формы фигуры Нинон способны были кого угодно свести с ума! Девушка обладала очень приятным голосом, великолепно пела и хорошо играла на лютне, а танцевала так, что невозможно было оторвать от нее глаз. Она буквально завораживала зрителей своими движениями. К тому же она много читала и писала стихи.

– Бог мой! – восклицали знакомые семейства де Ланкло. – Какая дивная красота, какие божественные формы и какие таланты! Ваша Нинон просто королева!..

Любовь, любовь, любовь...

Вскоре молодой и прекрасной дворянке нашелся достойный жених – юный Гаспар де Колиньи, герцог Шатийон, потомок знаменитого адмирала-гугенота, погибшего в Варфоломеевскую ночь. Его род был очень древним и знатным, но... обедневшим. Де Ланкло выразили готовность соединить знатное имя, титулы и древность рода де Колиньи со своими богатствами. Дело дошло уже до помолвки Гаспара и Нинон.

– Герцогиня – это... – и отец невесты, не находя нужных слов для выражения своего восхищения, неопределенно крутил в воздухе рукой: подумать только, его дочь скоро станет герцогиней!

В отличие от пребывавших в эйфории родителей хитроумная красавица решила испытать жениха. Она подарила ошалевшему от счастья Гаспару кошелек, полный золотых монет, и тут же следом за де Колиньи отправила своего доверенного слугу Вскоре тот вернулся и доложил госпоже:

– Мне неудобно говорить, мадемуазель, но господин де Колиньи прямоком отправился к сводникам и нанял коляску с двумя гулящими девицами. Кучер поднял тент, и они поехали.

По воспоминаниям современников де Ланкло, в тот период в Париже распространилась мода заниматься сексом в каретах и колясках. Проститутки поджидали клиентов сидя в экипажах, а сутенером обычно являлся кучер. Знатные дамы отдавались в экипажах своим любовникам и кавалерам, поэтому приглашение прокатиться часто, и не без оснований, рассматривалось как откровенное предложение переспать. Согласие на прогулку в экипаже столь же откровенно давало понять, что дама совсем не против предлагаемых ей кавалером сексуальных развлечений.

– Вот как?! – закусила губку Нинон и приказала больше не принимать герцога. Хотя по меркам той эпохи его поступок не представлял собой ничего из ряда вон выходящего.

– В чем дело? – недоумевал расстроенный отец.

– Я не хочу надевать на себя узы брака, которые кажутся мне непосильными цепями, – дерзко заявила в ответ Нинон. – Женщина благоразумная не избирает себе мужа без согласия рассудка, как любовника без согласия своего сердца!

С тех пор она только сама выбирала себе любовников, но никогда не торговала своим телом! Имея богатство, она относилась к деньгам совершенно равнодушно. Арман дю Плесси, герцог и кардинал Ришелье, знаменитый дамский угодник и ловелас, всесильный министр короля Луи XIII, решил добиться благосклонности удивительной обольстительницы и прислал ей в подарок пятьдесят тысяч золотых!

– Верните эти деньги его преосвященству, – с легкой язвительной усмешкой сказала посланцу министра несравненная красавица. – Они пригодятся государству. А от меня передайте герцогу, что он может не рассчитывать на близость со мной: я отдаюсь, но не продаюсь!

Не привыкшему к подобному вольному отношению всесильному кардиналу пришлось проглотить оскорбление и сделать вид, что ничего не произошло.

Де Ланкло всегда полагала, что истинные женщины чаще всего отдаются мужчинам по некоей прихоти, по капризу. У нее тоже отмечались собственные капризы, которые она предпочитала большей частью держать в тайне: от высшего света трудно что-либо утаить, однако Нинон это с блеском удавалось, и потому имена многих ее любовников так и остались неизвестны историкам. Впрочем, их имен не знали и современники «царицы куртизанок».

Когда каприз обольстительницы проходил и мужчина переставал ее интересовать, она мило и свободно говорила ему об этом, умея сохранить с бывшим возлюбленным прекрасные отношения и счастливо избежать каких-либо обид и ревности. Завидное умение и редкий дар. И никто никогда не посмел упрекнуть ее в распутстве.

– Де Ланкло – великая скромница, – сказал о ней король Луи XIII, чем немало разозлил супругу, знаменитую Анну Австрийскую.

На следующий же день Нинон получила приказ королевы немедленно покинуть Париж и в двадцать четыре часа найти себе пристанище в каком-нибудь монастыре! Королеве надоело без конца слышать о Нинон.

– Передайте ее величеству, – с милой улыбкой ответила де Ланкло, – что я выбираю мужской монастырь, расположенный поближе к столице. Думаю, меня там примут с великой радостью.

Королеве пришлось, как и всесильному герцогу Ришелье, с кислой миной проглотить эту дерзость. Но что поделать: показная скромность являлась еще одним секретом необычайного шарма Нинон.

– Скромность должна быть везде и во всем, – повторяла она. – Без этого важного качества самая красивая женщина непременно возбудит к себе презрение со стороны даже самого снисходительного мужчины.

Конечно же высший свет и королевский двор снисходительностью совсем не отличались. Поразмыслив, «царица куртизанок» решила все же не доводить дело до скандала: завистницы могли склонить королеву к более жестким мерам, а Нинон и так ей достаточно надерзила – стоило ли вступать в борьбу с монархами, заранее зная, кто выйдет из схватки победителем?

Поэтому де Ланкло, как ей и приказали, через несколько часов покинула Париж, но... ни в одном из монастырей ее не увидели! Она напрямик направилась в поместье маркиза де Вилларсо. Имя этого ее любовника известно совершенно точно. А прочих она умело прятала среди многочисленных посетителей и завсегдатаев своего салона, прославленного громкими именами, стоявшими рядом с именем его хозяйки – вечно молодой и удивительно прекрасной.

В салоне Нинон читал свои произведения великий Мольер, дом на улице Турнелль, где жила Нинон, считал своим вторым домом и любил там бывать Ларошфуко, по некоторым данным, его посещала шведская королева Христина, совершенно очарованная тогда уже перешагнувшей пятидесятилетний рубеж Нинон. Она приглашала ее вместе поехать в Рим, к Папе, однако де Ланкло скромно отказалась.

Среди посетителей и завсегдатаев салона Нинон можно назвать астронома и математика Гюйгенса и парализованного поэта Скаррона. Он взял в жены очаровательную Франциску д'Обинье, которая год спустя, после того как овдовела, вновь вышла замуж за маркиза Ментенон, а позже стала сначала любовницей, а потом и тайной женой «короля-солнца», Луи XIV. По свидетельствам современников, между Франциской и Нинон существовала многолетняя дружба.

– Как удастся тебе сохранять молодость и красоту? – якобы однажды спросила у подруги Франциска.

– Все это кавалеры приносят мне с собой, – загадочно улыбаясь, ответила неувядающая «царица куртизанок».

Говорят и о необычайной проницательности Нинон: когда ей уже перевалило за восемьдесят, она угадала в маленьком мальчике, которого ей представили, будущего философа Вольтера. В своем завещании она оставила ему две тысячи золотых на приобретение библиотеки. Возможно, это всего лишь легенда, но, возможно, и нет.

«Если бы я знала, как все кончится...»

Современники писали, что и в девяносто лет Нинон де Ланкло выглядела словно юная девушка. Хорошо, что уже не существовало инквизиции, иначе ей никак не миновать обвинения в колдовстве и страшной смерти на костре. Впрочем, горе в ее жизни тоже случалось и не обошло обольстительницу стороной. Жизнь ее не была совершенно безоблачной.

По воспоминаниям современников, в молодые годы одним из пламенных любовников Нинон был маршал д'Этре, от которого красавица родила сына, якобы получившего имя кавалера де Виллье и воспитывавшегося в провинции. Когда молодому человеку исполнилось двадцать лет, Нинон пожелала видеть его и поселила в своем доме, создав все условия, дабы вывести отпрыска в высший свет. Но тот влюбился в собственную мать и покончил с собой. Насколько правдива эта история, судить довольно сложно. О Нинон ходило множество легенд и слухов!

Другими известными любовниками Нинон являлись маркиз де Вилларсо и герцог де Ларошфуко, к ним нужно приплюсовать маршала д'Этре и новое очень высокопоставленное лицо – уж не самого ли короля Франции? – от которого в пятьдесят пять лет Нинон, по словам современников, родила дочь. К несчастью, девочка вскоре умерла. Ребенок оказался настолько красив, что отец приказал забальзамировать тельце и хранил его в стеклянном сосуде в своем кабинете.

– Это язычество и богопротивное дело, – сказал ему столь же высокопоставленный церковник, возможно даже сам кардинал. – Тело должно быть предано земле.

– Посмотрите, она прекрасна, как фея, – ответил любовник Нинон. – Разве можно хоронить фей, словно людей?

За полную достоверность этой истории также трудно ручаться: как уже говорилось, с именем Нинон де Ланкло связано множество разных легенд и слухов, проверить подавляющее большинство которых совершенно невозможно.

Достоверно можно сказать, что у нее были внук и внучка, однако они не унаследовали умопомрачительной красоты и талантов бабушки. Кто их родители – осталось неизвестно.

В девяносто лет Нинон продолжала обольщать, и ее вниманием сумел завладеть оставшийся неизвестным некий аббат, которому исполнилось восемьдесят девять лет! В Париже, где знают все и про всех, говорили, что он самый пылкий и страстный из всех любовников «царицы куртизанок». Возможно, аббат являлся таким же феноменом, как сама Нинон?

Рассказывали, как незадолго до кончины, когда де Ланкло уже исполнилось чуть ли не сто лет, она в припадке откровенности пожаловалась:

– ОН приходил и сказал: скоро конец! О Боже, если бы я знала, как все кончится, то лучше бы сразу повесилась!

Что она имела в виду? Кого, можно догадаться, но остальные тайны несравненная красавица унесла с собой в могилу, оставив только легенды и восторженные воспоминания о себе...

Червонная дама корсара Леграна

В зале одного из старых русских музеев висел написанный неизвестным художником XVIII в. портрет молодого человека с дерзким прищуром голубых глаз, казалось вобравших в себя синеву далеких, полных романтики южных морей. Пышные локоны завитого белокурого парика падали на кружевной воротник дорогого камзола, рука юноши сжимала эфес шпаги, но никто из искусствоведов не мог сказать, кто изображен на портрете. Имя персонажа оставалось долгое время загадкой, и во всех каталогах полотно числилось как «Портрет молодого вельможи».

Наконец тайна раскрылась. Оказалось, на старинном портрете, некогда написанном знаменитым французским живописцем Никола Ларжильером, изображен известный авантюрист и сердцеед начала XVIII столетия, дуэлянт и любимец фортуны Пьер Легран. С его именем связана любопытная история любви и пиратского золота...

Пророчество за карточным столом

Дождливым летним вечером 1711 г. Пьер Легран – капитан стоявшего на марсельском рейде фрегата «Кураж» – заглянул в салон итальянской певички Монфальконе, пользовавшейся в городе сомнительной славой. Сбросив на руки слуге мокрый плащ и шляпу, капитан прошел в ярко освещенную множеством свечей гостиную.

Церемонно поклонившись хозяйке, он поцеловал ее надушенную ручку, сказал пару дежурных комплиментов и сел играть в карты. Напротив капитана за покрытым зеленым сукном столом оказался пожилой аббат, ловко тасовавший атласную колоду унизированными перстнями жирными пальцами.

– Вот моя ставка, – корсар небрежно бросил на стол сафьяновый кошелек с золотом. – Чем ответите вы?

– Могу предложить нечто необычное, – загадочно улыбнулся аббат.

– Например?

– Например, предсказание судьбы. Ставлю мое пророчество против вашего золота. Идет?

– Я не совсем вас понял, святой отец! – привычно положив ладонь на эфес длинной шпаги, слегка нахмурился Легран.

– Все предельно ясно: если вы проиграете, то золото мое, – ловко раздавая карты, объяснил священник, – а коли проиграю я, то скажу, что ждет вас в ближайшем будущем.

Капитан уже открыл рот, намереваясь послать хитрого святошу ко всем чертям, но ему вдруг стало весьма любопытно. Не иначе, аббат просто прожженный мошенник, каких немало найдется в любом портовом городе. Наверняка он соотечественник хозяйки и пользуется ее молчаливой поддержкой, когда шулерскими приемами облапошивает гостей салона за карточным столом. А под его сутаной может скрываться роба беглого каторжника – вон какие колючие и хитрые у него глаза!

Однако не на того напал, каналья! Впрочем, отчего не посмотреть, как карты лягут? Легран играл хорошо, и ему хотелось услышать, что наболтает ряженный аббат, если продуется в прах.

Приказали слугам подать темного кипрского вина и начали игру. Переменчивое карточное счастье то ускользало от корсара, то вновь возвращалось. Но в конце концов, когда за высокими окнами уже забрезжил рассвет, священник оказался в сильном проигрыше.

– С вас триста золотых, – откинувшись на спинку стула, насмешливо сказал Легран. – Платите, святой отец!

– Не торопитесь, – сложив руки на животе, уверенно ответил аббат. – Через год получите куда больше, целый сундук золота! Вас ждет дальнейшее путешествие и встреча с молодой прекрасной червонной дамой. Она принесет вам любовь, богатство и необычайные приключения. Потом вы завоюете благосклонность короля и останетесь в памяти потомков.

– Чего только не наврешь, лишь бы не платить, – расхохотался Пьер.

Ну конечно же он точно угадал: попик оказался сущим мошенником. Раз не выгорело обыграть, он теперь с умным видом плетет всякие небылицы. Ладно, наплевать, все равно каждый остался при своем.

– Прощайте, святой отец! – Легран поднялся. – Наверное, моя червонная дама уже зажда-лась?

– Храни вас Бог, сын мой, – смиренно перекрестил его аббат. – Помните: через год!..

Дочь губернатора

Год спустя, то есть в 1712 г., в голубых водах Индийского океана, омывающих принадлежавший тогда голландцам остров Маврикий, появилась небольшая эскадра французских военных кораблей. Ею командовал адмирал Шароле. В состав эскадры входил и фрегат «Кураж» капитана Леграна. Стоя на мостике, он в подзорную трубу с любопытством осматривал затянутые голубоватой дымкой лесистые горы острова, шпили белых церквушек, домики городка и маленькие фигурки людей около причалов.

Попусту не тратя времени на переговоры, французы с ходу дали по острову пару бортовых залпов – больше для устрашения малочисленного голландского гарнизона, чем для начала артиллерийской дуэли или с целью нанести какие-либо разрушения. Потом с кораблей быстро спустили шлюпки, в них сели вооруженные матросы и высадились десантом.

Совершенно не ожидавший подобного поворота событий и даже не предполагавший возможного нападения гарнизон острова во избежание ненужного кровопролития предпочел капитулировать. Губернатор Маврикия мессир ван Бринк торжественно отдал свою шпагу адмиралу Шароле. Взамен он испросил себе право покинуть остров и свои бывшие владения вместе с семьей и немалым имуществом. Для этого адмирал решил предоставить ван Бринку фрегат, а конвоировать экс-губернатора приказал Леграну.

Вскоре на «Кураж» прибыло семейство губернатора. Лишь только Пьер увидел дочь голландца – золотоволосую красавицу Аниту ван Бринк, – как сердце корсара и авантюриста дрогнуло и забилось быстрее: это сама судьба! Галантно предложив девушке руку и осторожно держа ее за кончики нежных пальцев, капитан «Куража» не чувствовал под собой ног, поднимаясь по трапу на борт.

– Вы самый ценный груз, который когда-либо мне доводилось сопровождать, – шепнул он прелестной голландке. – Готов даже заложить душу дьяволу, только бы вы стали моим призом!

В ответ красotka подарила галантному французу многообещающий взгляд и скрылась в каюте, плотно закрыв за собой дверь.

С этой минуты Легран все свободное время проводил в обществе семьи экс-губернатора Маврикия мессира ван Бринка, решительно сумев всех очаровать. Естественно, ни сам мессир ван Бринк, ни его супруга совершенно не интересовали молодого человека: его буквально сводила с ума их красавица дочь! Француз был высок, строен, хорош собой, образован, галантен, смел и безумно влюблен! Не удивительно, что довольно скоро ему удалось растопить лед недоверия и завоевать сердце губернаторской дочери.

Пьер пригласил девушку в капитанскую каюту, где они пылко объяснились в любви, дав друг другу клятву верности и обещание никогда более не расставаться.

– Готов ли ты ради меня на все? – спросила Анита.

– Хоть в преисподнюю, – серьезно ответил Легран.

– Тогда я могу открыть тебе свою тайну, любовь моя, – с трудом высвободившись из жарких объятий Пьера, неожиданно сообщила Анита.

Авантюрист насторожился: что еще за тайны у губернаторской дочери? Неужели ему сейчас предстоит услышать душераздирающую историю о внебрачных малютках или?.. Но то, о чем поведала Анита ван Бринк, несказанно удивило капитана и заставило его серьезно задуматься.

Издавна у берегов Маврикия искали прибежища и спасения застигнутые жуткими океанскими штормами пираты. Некоторые из их кораблей разбивало высокими волнами об острые прибрежные скалы, и они быстро шли ко дну. Однако пираты упорно старались спасти даже с быстро погружавшихся в пучину кораблей самую ценную добычу, а на берегу острова превращали ее в клады, устраивая хитрые тайники по всему Маврикию.

Однажды случилось так, что предводитель пиратов влюбился в местную красотку и женился на ней. Ему посчастливилось закончить жизнь на берегу. Когда пришел смертный час, старик открыл тайну спрятанного на острове пиратского золота своей дочери-мулатке и передал ей как наследство секретную карту. Много лет спустя эта мулатка стала кормилицей Аниты и, полюбив девочку как родную, подарила ей полученную когда-то от отца-пирата карту, испещренную условными значками, обозначающими пути к местам хранения сокровищ морских разбойников.

– Я не верю, что они действительно существуют, – отдавая карту, небрежно махнула рукой мулатка, – а ты поступай как знаешь. Пусть эта штука напоминает тебе обо мне, дитя мое!

В отличие от кормилицы, Анита твердо верила в существование пиратских кладов и теперь хотела отдать возлюбленному карту сокровищ морских разбойников.

Пока корабли французов готовились к выходу в море, Легран не одну ночь провел в угаре безумной любви и тяжелых, как похмелье, размышлениях. Не раз он наугад открывал колоду карт, и из нее неизменно выпадала все та же червонная дама: как тут не вспомнить предсказание странного аббата, которого он принял за шулера и беглого каторжника? Священник оказался настоящим провидцем! Но как поступить, на что решиться? Сбудется ли предсказанное до конца и стоит ли рисковать головой, доверяясь рассказам неизвестной мулатки и затертому куску старой мягкой кожи с непонятными каракулями?

Анита постоянно умело разжигала в Легране любовную страсть и алчность. Наконец ей удалось добиться своего – авантюрный склад характера Пьера победил благоразумие.

– Мы отправим пробную экспедицию, – решил он. – Но тайно!

Держа цель предприятия в секрете от всех, он отобрал нескольких надежных матросов, подготовил шлюпку, факелы, потайные фонари, веревки, оружие и инструменты. Ночью шлюпку тихо спустили за борт корабля. Легран сел в нее вместе с Анитой, и матросы навалились на весла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.